

ВНЕ ЦИКЛА

16+

ЖЕНЯ КОБАЛЬТ

Женя Кобальт

Вне цикла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67063914

SelfPub; 2022

Аннотация

В последнее время я часто зацикливаюсь. Но одна обыкновенная ночь прервала все рутинные циклы. Я никогда не думал, что буду по ним скучать.

Женя Кобальт

Вне цикла

В последнее время я часто зацикливаюсь. Цикличность наступает в буднях, господствует в голове и формирует мысли. Она скребётся в сознании, потому – я предаюсь одним и тем же размышлениям, и она же просачивается в подсознание, рождая новые привычки. Куда бы ни прыгнул мой взгляд – всюду эта цикличность, всюду рутина.

Я завожу моторчик нервных окончаний и открываю глаза – запускается механизм человеческого тела. Рассеивается тьма, расплывающаяся пятнами и разноцветной рябью, и сменяется очертаниями залитой фонарным светом комнаты. Веки тяжелеют, конечности наливаются свинцом, ржавые суставы ноют. Чувствую себя роботом, внезапно отключившимся от зарядного устройства в третьем часу ночи. На моём плече лежат её волосы, и я слышу аромат ванильного шампуня. Она беспрекословно приняла команду «спать», укутавшись в хрустящее пышное одеяло. А мне приятно на неё смотреть. Я разглядываю растёкшееся по её щекам оранжевое свечение с улицы, наблюдаю за дремлющими густыми ресницами и изредка подрагивающим запястьем. Мне скучно на неё смотреть. Её жизнь так же циклична и рутинна, как и моя. Она засыпает, просыпается, потребляет, думает, дремлет, обижается, возбуждается и устаёт по расписанию.

Разве что сердце патологически бойкое. Но в ней, как и во мне, циркулирует кровь, распространяется кислород, делятся клетки, преобразуется энергия – сплошные циклы. И циклы, к счастью или сожалению, непрерывные до самой смерти. Разве что сейчас один из её циклов прерван – она беременна.

Мой взгляд перебрался на потолок, мельтешащий из-за темноты и несовершенства человеческого зрения. На меня снизошла томительная безысходность. На кровати лежат два устройства, я и она – две кожаные оболочки из кусков плоти и трубок-сосудов. Цикличность, заложенная в нас природой, ощущается не только в будничном копошении, но и во всём нашем функционировании. Мне захотелось разорвать цепочку, пускай тонкое и малозначительное её звено, и неожиданно для себя взбодриться чашкой кофе.

На кухне тихо, лишь с улицы доносится приглушённое шуршание августовской листвы. Там, на дороге, прыгают громадные, устрашающие тени деревьев – одно из моих любимых зрелищ в эту пору. Включённая лампа осветила ближайшие предметы. Из банки запахло крепким кофе. Я не хотел томиться в ожидании кипятка и нарушать молчание бурлением в чайнике, потому две с половиной ложки растворимого опустили в заполненную ледяной водой чашку. Я пью кофе без сахара и убеждаю себя в том, что этот ритуал приносит мне удовольствие, но лицо предательски морщится от концентрированного напитка. Во рту и на душе скверно, од-

нако так будто и должно быть.

Я засмотрелся на ночной пейзаж за окном. Дышать стало трудно и противно – не то от недостатка кислорода, не то от желания ощутить бьющий в лицо ветер, не то от мыслей о цикличности. Я вернулся в комнату и посмотрел на неё, спящую – всё ещё неподвижна и несчастна, но ей повезло об этом не думать. Мне захотелось её аккуратно поцеловать, пожалуй, но что-то заставило меня отвернуться – быть может, я побоялся её разбудить, *нарушить* её рутину, – и я отложил это действие на поджидающее у порога утро. Ещё одно звено цикла откалывается и, накинув лёгкую ветровку, я выхожу из квартиры.

Миную зелёные стены подъезда, и меня, наконец, встречает улица – в отсутствии людей как никогда живая, объятая томительным предвкушением суеты. В большом доме напротив моей родной девятиэтажки дремлют почти все окна. Тени ветвей разбушевались, и расчёсывающий деревья ветер по звучанию напомнил шум прибоя. Эстакада шуршит. Я поглядел по сторонам, выдохнул с облегчением и двинулся по исхоженным тротуарам.

На горизонте показался единственный человек, и по походке я мгновенно узнал в нём соседа. Он, бывший военный, еженощно выходит на улицу в поисках своей собаки, умершей лет десять тому назад, как поговаривают подъездные бабки. Но он всё кличет её, свистит в ожидании ответного лая. Очередной цикл.

Я теперь не мог игнорировать цикличность и нависший над городом дух рутины. До боли знакомые переулки, заученные маршруты, пристанища детства. Они укоренились в сознании до такой степени, что даже у меня, чуткого к деталям человека, не вызывают никакого трепета. Скука. Она осела на крыши безликих домов, протянулась проводами от одной крыши к другой, затмила фонарное свечение и усыпила пожухлую траву. Ветер стих, и ветви приобрели вид театральных декораций. Мегалополис набух пылью и замолчал окончательно.

И я застыл, созерцая этот дивный союз природы и её детища. Всё кругом неподвижно и тихо, из-за чего видимое словно бы превращается в кинокартину, плоскую и едва ощутимую. Я редко заставал город в таком состоянии. Мне захотелось сделать традицией подобные вылазки, но эту мысль я немедля отогнал – такую находку не хочется отдавать под покровительство цикличности. Я бы ею пресытился точно так же, как пресытился этими улицами. И чтобы сохранить пойманное умиротворение, я резко развернулся и направился к дому, прощаясь с бушующими на дороге тенями деревьев. Ночь приближалась к своему завершению.

В квартире по обыкновению пусто и прохладно. Из окна льётся тусклый синеватый свет, в некоторых комнатах сменяющийся на оранжевый фонарный, но в глазах неизменно рябит. Немного замешкавшись в коридоре, я ощутил какое-то необъяснимое тревожное чувство. Мне показалось,

что цикличность отступила. Я направился в спальню чтобы развеять свои опасения. На кровати она лежала всё так же неподвижно: уличный свет на скулах, пышные ресницы, тонкие запястья, пальцы, вцепившиеся в подушку. Но что-то явно отличало это бледное лицо, искривлённое невнятной гримасой, от рутинного уставшего выражения, выученного мной за все совместно прожитые годы. Одеяло сползло на пол. Взгляд снова переместился на спящий лик, налитый желтовато-белым, как луна, оттенком. Я дотронулся до спящей, ласково повторяя её имя, и в моём голосе зазвучали робкие нотки волнения. Она не пробуждалась. Рассудок притупился паникой, и шёпот перерос в крик. Она не в глубоком сне. Я уже не пытался её воскресить – я бился в конвульсиях, вымещая распространившуюся по телу боль. Да, она уже не спала.

Сутолока объяла мои мысли. Я разразился криком, но тут же замолк, тупо уставившись на бездыханное тело. Снова истошный вопль и следующее за ним оцепенение. Всё вокруг виделось как в тумане, и происходящее казалось бессмысленным бредом. Цикличность покинула мою жизнь, когда её беспокойное сердце дало сбой. Она умерла во сне – умерла, не дав продолжиться циклу наших генов. И, подобно мечте, вспомнилось ощущение рутины и бытовых циклов, разделённых с ней, с непоколебимым спокойствием наших запрограммированных Богом жизней.

Я очнулся на кухне в третьем часу ночи. Не успев сварить

себе кофе, я стоя заснул с ложкой в руке. На асфальте за окном бегали широкие тени ветвей, и ветер вздымал пыль с походившим на шум прибоя звуком. Я убрал банку с кофе в шкаф, отсрочивая пробуждающий ритуал до утра, и вернулся в кровать. Обняв её и погрузившись в сон, я смиренно предался заветной цикличности.